

Житенев А. А. Нео-мифо-логика: опыт уточнения современной исследовательской терминологии / А. А. Житенев, Е. С. Стрельникова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 302—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-302-319.

Zhitenev, A. A., Strelnikova, E. S. (2022). Neo-Mytho-Logic: Experience of Clarifying Modern Research Terminology. *Nauchnyi dialog*, 11(5): 302-319. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-302-319. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-302-319

Нео-мифо-логика: опыт уточнения современной исследовательской терминологии

Житенев Александр Анатольевич

orcid.org/0000-0002-6365-4138

ResearcherID A-6088-2016

доктор филологических наук,
профессор

кафедра издательского дела
superbia@mail.ru

Стрельникова Екатерина Сергеевна

orcid.org/0000-0002-7260-6883

аспирант

кафедра русской литературы
XX—XXI веков, теории литературы
и гуманитарных наук
svstrelnikov@inbox.ru

Воронежский
государственный университет
(Воронеж, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-312-90016

Neo-Mytho-Logic: Experience of Clarifying Modern Research Terminology

Alexander A. Zhitenev

orcid.org/0000-0002-6365-4138

ResearcherID A-6088-2016

Doctor of Philology, Professor
Department of Publishing
superbia@mail.ru

Ekaterina S. Strelnikova

orcid.org/0000-0002-7260-6883

Postgraduate Student

Department of Russian Literature
of the 20th—21st Centuries, Theory
of Literature and the Humanities
svstrelnikov@inbox.ru

Voronezh State University
(Voronezh, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out
with the financial support of the Russian
Foundation for Basic Research
within the framework of a scientific
project № 20-312-90016

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Поднимается вопрос о терминологическом плюрализме, существующем в парадигме литературоведческих понятий, связанных с категорией мифологического. Актуальность исследования обусловлена отсутствием дифференциации в трактовке понятий, связанных с мифом в литературе. Авторами предлагается свой вариант различения терминов, восходящий к специфике субъектно-объектных отношений авторского и мифологического. Рассматриваются понятия «миф», «мифологическое», «мифологизм» и связанные с ними процессы «демифологизации» и «ремифологизации». Доказано, что мифологическому в художественном произведении свойственна структурная и смысловая замкнутость, а также резистентность к влиянию индивидуально-авторского. Установлено, что становление неомифологического, напротив, изначально подразумевает устремленность авторского сознания (субъекта) к выстраиванию художественного пространства в логике самовоплощения и аксиологически-ориентированного мирозидания. Отмечается, что это обуславливает многоплановость неомифологических элементов и соотносимость разных культурфилософских пластов, имплицитно трансформированных автором в неомифы, а неомифологизм предлагается определять не только как художественный феномен, но и как перспективную методологию литературоведческого анализа. Авторами предлагается разграничить неомифологические тенденции и постмодернистский опыт создания «авторских мифов».

Ключевые слова:

миф; неомиф; неомифологизм; демифологизация; ремифологизация; авторский миф.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question is raised about the terminological pluralism that exists in the paradigm of literary concepts related to the category of the mythological. The relevance of the study is due to the lack of differentiation in the interpretation of the concepts associated with the myth in the literature. Based on the totality of the considered studies, the authors propose their own version of the distinction between terms, which goes back to the specifics of the subject-object relations of the authorial and the mythological. The concepts of “myth”, “mythological”, “mythologism” and the processes of “demythologization” and “remythologization” associated with them are correlated with the logic of object domination over the level of the subject-author’s (personal) world-building intention. It is proved that the mythological in a work of art is characterized by structural and semantic isolation, as well as resistance to the influence of the individual author. It has been established that the formation of the neomythological, on the contrary, initially implies the aspiration of the author’s consciousness (subject) to build an artistic space in the logic of self-embodiment and axiologically oriented world-building. This determines the diversity of neomythological elements and the correlation of different cultural and philosophical layers, implicitly transformed by the author into neomyths, and it is proposed to define neomythologism not only as an artistic phenomenon, but also as a promising methodology for literary analysis. At the same time, the authors propose to distinguish between neo-mythological tendencies and the postmodern experience of creating “author’s myths”.

Key words:

myth; neomyth; neomythologism; demythologization; remythologization; author myth.

Нео-мифо-логика: опыт уточнения современной исследовательской терминологии

© Житнев А. А., Стрельникова Е. С., 2022

1. Введение = Introduction

Рубежность мировосприятия многим исследователям представляется одной из важнейших характеристик XX—XXI веков. «Общий знаменатель и общая характеристика» рубежной культуры — «катастрофизм», который представляет собой такой сценарий культурных процессов, в котором происходит «стремительная поляризация полюсов оппозиций, деструктивных и конструктивных факторов, стереотипов и инноваций, базовых ценностно-смысловых концептов и ориентаций» [Земсков, 2002, с. 14]. Рубежность порождает лиминальность самоощущения индивида, который нередко отчужден и дезориентирован и на культурном перевале вдруг оказывается «ни здесь, ни там <...> в промежутке между» [Тэрнер, 1983, с. 169]. В таком положении индивид ищет точку опоры — и находит ее, в частности, в мифе как культурном коде, который ассоциируется с устойчивостью и неизменностью.

Обращение русской литературы к мифологическому сознанию — многократно описанное явление, наиболее проявившееся на рубежах XIX—XX и XX—XXI веков. Отмечая способность мифологического гармонизировать мир, исследователи объясняют интерес к нему стремлением преодолеть ощущение тотальной неустойчивости человеческого бытия. Это особенно характерно для рубежа XIX—XX веков с его модернистской идеей вечного повторения и эсхатологическими предощущениями: «Травматический опыт войн, революций и диктатуры заставляет культуру искать безопасности в мифическом мировосприятии» [Сочинко, 2013, с. 13].

Рубеж XX—XXI веков, вписанный уже в ряд постмодернистских категорий и семиотических моделей, больше связан с проблемой соотношения реального и ирреального (в том числе игрового), первичного и вторичного. Отчужденный от участия в историческом процессе, современный человек начинает сомневаться и в реальности прогресса, и в рациональности его сути. Такая модель мира близка мифологической — с той лишь разницей, что объектом моделирования становятся не силы природы, а механизмы общественного устройства [Лесных, 2009, с. 111—112].

Несмотря на обширную историю вопроса, содержание понятий «миф», «неомиф», «мифологизм» и т. п., как и их взаимосвязь, остаются в науке о литературе далекими от определенности.

Очень наглядно обозначенная проблема фиксируется Г. П. Козубовской [Козубовская, 2011], монография которой начинается с перечисления терминов, восходящих к понятию «миф», где исследователь, давая обширные сноски, тем не менее не формулирует собственные определения [Козубовская, 2011, с. 4—5]. Необходимость расподобления близких терминов констатируется в работе М. В. Ерёмко, где исследователем выстраивается и комментируется оппозиция миф — неомиф [Ерёмко, 2001, с. 18—24]. Неоднозначности существующих в литературоведении терминов и важности разведения понятий «мифологизм» и «неомифологизм» посвящено несколько параграфов работы Я. В. Погребной [Погребная, 2006, с. 29—141].

Терминологический плюрализм неизменно порождает неоднозначность понятий, которые зачастую по-разному трактуются исследователями. И. О. Шайтанов сравнивает это явление с энтропией в сфере гуманитарных наук и утверждает необходимость «отрефлектировать терминологический инструментарий» [Шайтанов, 2005, с. 130]. Термины *миф*, *неомиф*, *мифологизм*, *неомифологизм*, *ремифологизация*, *демифологизация* используются в современном литературоведении очень часто, что, безусловно, свидетельствует о важности связанных с ними явлений. Однако распространенная практика использования терминов как рабочих определений без ясного эксплицирования их значения создает смысловую путаницу. Во многих работах можно наблюдать разговор об одних и тех же явлениях, но на разных терминологических языках, где, к примеру, один литературовед под *неомифологизмом* подразумевает постмодернистский инструментарий, другой — мировоззренческий феномен начала XX века, третий — панмифологические тенденции в культуре всего XX века, а четвертый приравнивает это понятие к ремифологизации и рассуждает о сюжетных интерпретациях античного мифа.

В данной статье мы предпринимаем попытку разобраться в подходах к толкованию терминов *миф* / *неомиф* / *авторский миф*, *мифология* / *неомифология* / *индивидуально-авторская мифология*, *мифологизм* / *неомифологизм*, *ремифологизация* / *демифологизация*, а также предлагаем собственный вариант их смыслового расподобления.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Существует множество подходов к понятию мифа и его отграничению от близких категорий. Одна из наиболее продуктивных стратегий, на наш взгляд, состоит в раскрытии связей мифа и неомифа сквозь призму субъектно-объектных отношений. Приведем доводы в пользу такого предположения.

Говоря о мифе как форме «целостного массового переживания действительности» [Жбанков, 1998, с. 430], специфика которого связана с кол-

лективными представлениями, а не личным опытом человека [Мелетинский, 2000, с. 24], исследователи отмечают его исключительную самостоятельность, структурную замкнутость и мирозозидающую потенцию. «Наделенный ... внутренней гармонией» [Зайнуллина, 2004, с. 3], архаический миф сам по себе — творец, обобщающая сила, созидатель пространства, упорядочивающего хаос реальности.

Архаический миф — условная «вещь в себе», смысл которой обладает собственной ценностью [Барт, 2008, с. 275]; объект, мыслящий сам себя; разум, оставшийся наедине с собой; «мифы мыслят в людях без их ведома» [Леви-Строс, 1999, с. 20]. Логично рассудить, что у такого мифа нет автора — отчасти потому, что автор его «размножен» до бесконечности; отчасти потому, что в момент самого первого «рассказывания» миф уже откуда-то известен нарратору, он и есть — рассказанная история, независимая от формы, человека и его языка, он сам — язык, причем самого высокого уровня [Леви-Строс, 1985, с. 187].

Принципиальная завершенность мифа — основа его важнейшей характеристики: закрытости, в которой возможно лишь воспроизведение уже свершившегося, бесконечный повтор [Жбанков, 1998, с. 430]. «Объект в себе», не нуждающийся в субъекте, архаический миф — это система замкнутая, а значит, подверженная энтропии, допускающая момент, когда в миф перестают верить.

Мифология как «фантастическое отражение действительности в первобытном сознании» и как «форма проявления мировоззрения древнего общества» [ФС, 1975, с. 248] для архаичного человека — инструмент дешифровки явлений, истолкования загадок, выстраивания прогностических моделей. Мифология существует как мир, первичный и по отношению к индивидуальному, и по отношению к общественному сознанию [Зенько, 2012, с. 62]. Мифология замыкается в законах, объективных только внутри её системы, это «остатки древнего сонного сознания человечества» [Волошин, 2007, с. 9].

В рубежные и катастрофические эпохи в развитии культуры миф, способный убеждать вне апелляций к рационалистическим схемам, из области мифологической архаики переходит в плоскость культурного строительства.

Мифологизм называют определяющей чертой XX века [Тернова, 2000, с. 108]. Это явление, которое толкуется и как мироощущение конкретной эпохи, и как художественный приём, возводится к устремлению «оживить» мифологическое на новой культурной почве. В нашем понимании, мифологизм — это попытка «воскрешения» уже имеющегося пласта мифологических сюжетов и образов. Существующее независимо от человеческого сознания, мифологическое и в художественный текст приходит «самосто-

ательно», «конструирует некую *иную* реальность, претендующую на то, чтобы действительно существующую заместить» (курсив наш. — А. Ж., Е. С.) [Там же, с. 110].

Мифологизм — это функционирование в общественном сознании взятых из культуры мифологических концептов. Исходно мифологическими при этом могут восприниматься как архаические, так и социальные мифы, но известные, устоявшиеся, закрепившиеся в исторической памяти.

Мифологизм как приём — это использование известных мифов в художественном тексте в «привычной» для них парадигме воплощений и смыслов. Здесь показательна для нас следующая формулировка: «Мифологизм — проникновение элементов мифа в литературу» [Короткова, 2021, с. 16]. Именно *проникновение*, именно «вторжение» извне, именно объектное доминирование на пути к поиску воспринимающего субъекта через авторское сознание.

Мифологизму как явлению сопутствуют процессы де- и ремифологизации. Изначально вписанный в парадигму христианского мировоззрения, феномен демифологизации связан с нарастающим недоверием человека к любой «мифологической речи», которая представляется тем более недостоверной, чем дальше в прошлое уходит «мифическая картина мира» [Бульман, 2004, с. 7—8].

Традиция обращения к описанию такого рода «мифической картины мира» сильна в отечественной словесности, где духовная проблематика была и остается отнюдь не на периферии исследовательского внимания. Работы, посвященные осмыслению христианских культурных кодов, а также поиску их в русской литературе, сегодня довольно многочисленны и обширны. Так, некоторые работы М. Ю. Лотмана посвящены исследованию специфики религиозной и светской письменности [Лотман, 1993]. И. А. Есаулов обращается к исследованию В. Набокова и И. Шмелева с позиции осмысления процесса «дехристианизации культуры» [Есаулов, 2005]. Исследование библейских мотивов и сюжетов в поэтике В. Маяковского позволяют по-новому рассмотреть уже, казалось бы, изученные страницы русской литературы [Шалков, 2008].

Демифологизация в литературе (которая тоже — и Слово, и Нагорная повесть) — своего рода «разрушение стереотипов мифопоэтического мышления, утративших свою “подъёмную” силу» [Топоров, 1995, с. 5]. Между тем демифологизация изначально — «критическое устранение» новозаветной мифологии и её новая, тоже критическая, экзистенциальная интерпретация, ориентированная на «немифологически мыслящего человека» [Бульман, 2004, с. 15—17]. «Демифологизированное» выводит пласт мифического повествования в область исторических обобщений, ут-

верждая не чудо, а *«парадокс присутствия»* (курсив наш. — А. Ж., Е. С.) [Там же, с. 40] потустороннего в посюстороннем.

В литературе демифологизация — это «уничтожение» мифа, его «развенчание», расколдование как объективированного «чужого сознания» [Осаченко, 2011, с. 65]. Подчеркнём: именно *чужого*, которое изначально — чуждое и не своё, которое невозможно присвоить даже при стремлении это сделать. «Уничтожение» мифа означает одновременно и утрату им своей мироорганизующей потенции, и заполнение образовавшейся лакуны новыми установками, на поверку — тоже сакрализованными, как, к примеру, произошло с развенчанием фигуры В. Маяковского, вместо «осоветизированного» идола которого в трудах ряда исследователей возникла иная, не менее «сакрализованная» (и потому в той же степени имеющая отношение к действительности), нарочито сниженная фигура, которая «отрицает мир и бога и обрушивается на них всеми доступными ему средствами», «обращается к террору, пытаясь навязать себя женщине, жизни, литературе» [Жолковский, 1994, с. 274].

Процессы де- и ремифологизации неидентичны, неравноценны и функционируют в различных ситуациях: демифологизация осуществляется после «конца» мифа, а ремифологизация — «внутри» него. Ремифологизация — это «восстановление» существующего мифа [Осаченко, 2011, с. 65] и использование в дистанцированной от времени его создания эпохе [Тернова, 2000, с. 111], но не его качественная трансформация. Это *видимое* «становление Нового Мифа», потому что происходит оно лишь «в ... *исконном* понимании» (курсив наш. — А. Ж., Е. С.) [Жерносенко, 2013, с. 358], даже если и «на почве новой реальности, предполагающей использование её действующих лиц и элементов» [Тернова, 2000, с. 112].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Потенция ремифологизированного — объектна, исходит извне, оказывается явленной в художественном тексте безотносительно фигуры автора, который записывает, а вероятно, (и — да!) несколько перестраивает имеющийся мифологический сюжет или образ, но который сам в эту структуру не вписан, ей не органичен, который не становится мирозидателем и демиургом, потому что остаётся в позиции созерцателя и протоколиста. Это попытка «сделать миф реальностью современности» [Рылова, 2010, с. 102], актуализировать его, сделать «рамой» для «упорядочивания материала, отобранного историей» [Там же, с. 103]. И хотя к понятию «ремифологизация» часто возводят широкий спектр смежных между собой явлений (от использования отдельных мифологических образов и сюжетов, в том числе в виде стилизаций и вариаций, до «авторских мифов» и панми-

фологических тенденций [Лесных, 2009, с. 111]), мы склонны утверждать их качественное различие.

3.1. В поисках «нео-»

Исследователи сходятся во мнении, что XX век — эпоха новых мифов и мифотворцев, порожденная стремлением к «преобразованию» «живой жизни» в конструкт, отправной точкой которого является «жизне**строительная** идея» (курсив наш. — А. Ж., Е. С.) [Никонова, 2011, с. 11], а направлением развития — следование новым заповедям и канонам. Некоторые исследователи утверждают, что XX век — это отдельная эпоха в литературе, основанная на мифологическом типе сознания, пришедшая на смену реализму века XIX [Максимов, 1979, с. 4—5] и сложно соотносимая с его наследием [Минц, 2004, с. 60].

Миф ещё в период зарождения модернизма осмысливается как первоэлемент новой мировоззренческой парадигмы, а искусство — как форма «постижения мира и его *сотворения*» (курсив наш. — А. Ж., Е. С.) [Шлигерская, 2005, с. 201], когда явления мифологического, символического и архетипического осмысливаются в нём как «высший класс универсальных модусов бытия» [Топоров, 1995, с. 4]. Однако «поэтический миф нового времени — это построенная с помощью *авторской* фантазии моделирующая “вторая действительность”, взятая в метаисторическом плане или превращенная в фантазмагорию, за которой может стоять содержание, так или иначе относящееся к реальной истории» (курсив наш. — А. Ж., Е. С.) [Максимов, 1979, с. 6]. Поэтому «мифотворчество XX столетия характеризуется не только интересом к классическому мифу, но и созданием авторами своей оригинальной мифологической структуры» [Зайнуллина, 2004, с. 12].

Главное отличие «мифа нового времени» от описанных ранее — в источнике создающего его начала. Его апелляция к элементам архаического сознания (либо к социальным мифам) не подвергается сомнению, но качественно иным оказывается взаимодействие с ними. «Миф нового времени» — *неомиф* — это всегда история, исходящая от субъекта, от автора, который, даже обращаясь частично к мифу архаическому, перестраивает логику взаимоотношения его элементов и всегда отталкивается от позиции своего героя в выстраиваемом «дивном новом» мире. Миф — объект, неомиф — субъект. И само его появление в культуре XX века, помимо прочего, доказывает антропоцентрическую аксиологию, находящуюся в центре внимания литературы этого периода, несмотря на кардинальную смену всей системы мировоззренческих координат [Петрова, 2001]. Это не тот миф, что «пробуждается» и ищет реципиента только затем, чтобы вторгнуться в его сознание; ищет автора, чтобы его рукой «воскресить» себя в новой культурной реальности; «прорывает» громаду лет «весомо, грубо и зримо», вторгаясь

в современность через единственное пространство, где в него еще могут поверить — через художественное, но оставаясь при этом существовать в привычных условиях и смыслах. Тот миф остается чуждым ткани произведения, ощущается швом, а не одной из множества нитей.

Неомиф же выстраивается автором на основе имеющегося мифологического культурного опыта, но соразмерно особенностям собственного мироощущения. Одно из важных, с нашей точки зрения, отличий неомифа от мифа — в «наглядности» его проявлений в тексте. Как правило, миф явлен в тексте показательно. Один из способов его появления — реминисцентно-аллюзивные отсылки, однозначные, относительно легко опознаваемые и прямо указывающие на миф-источник; другой вариант — «перепроговаривание» известного сюжета, также распознаваемое и подробное; третий — выстраивание системы персонажей как мифологических двойников, иерархически выстроенных относительно друг друга и включенных, как правило, в *один* мифологический контекст. Субъектность неомифа обуславливает, как правило, сознательное оперирование известными мотивами. Категоричное определение его как сознательно творимого требует более широкого исследования. На наш взгляд, субъектность и осознанность неомифа — не обязательно предполагающие друг друга обстоятельства.

Неомифологическое художественное пространство — выстроенное автором и потому более свободное в вариантах собственного бытия — чаще основано на сопряженности нескольких мифологических пластов, каждый из которых выступает в роли «шифра», раскрывающего значение изображаемого. Это обеспечивает неомифологическую множественность значений образов в тексте такого рода. Поэтому важнейшая особенность неомифологического произведения — сложная полигенетичность (термин В. М. Жирмунского), полисемантичность, поликультурность, даже металитературность — и гетерогенность образов и сюжета [Минц, 2004, с. 74].

Неомифологические тексты никогда не являются «подражателями» или стилизациями, а элементы мифа, взятого автором для организации собственного мифотворческого процесса, находятся лишь в ряду «многих равноценных объектов изображения» [Там же, с. 73]. При этом неомиф не только раскрывает смысл событий истории и современности, но и сам объясняется ими, то есть «план выражения и план содержания здесь постоянно и характерно меняются местами» [Там же, с. 74].

Все это обуславливает меньшую степень вербализованности неомифа в отличие от мифа, а в художественном тексте зачастую нет прямых указаний на источники, повлиявшие на его неомифологическое содержание. Одной из главных примет такого языка становятся мифологемы или реминисценции, но предельно свернутые и даже неразличимые при первичном

восприятию [Там же, с. 75]. Не менее частотная форма существования неомифа — его незримое «вплетение» в нарративную ткань текста и восстановимость лишь на мотивном уровне без каких-либо прямых номинаций.

«Пропущенный» «через индивидуальное сознание с его рефлексией и авторским свободным отношением к изображаемому» [Максимов, 1979, с. 5—6], неомиф, помимо присутствия в нем ведущей роли авторской интенции, является и порождением эпохи с сопряжением актуальных смыслов, «витающих в воздухе». К примеру, процесс формирования дионисийского неомифа в раннем творчестве В. Маяковского [Давыдов, 2006] хронологически соотносим с появлением работ Вяч. Иванова [Иванов, 1989; Иванов, 1994] и общей устремленностью эпохи модернизма к осмыслению логики дионисийско-аполлонической оппозиции, диалектическое описание которой восходит к рецепции идей Ф. Ницше. Таким образом, внимание к дионисийскому Маяковского — это его авторская интенция, катализируемая общей «наполненностью» культурфилософского пространства начала XX века ницшеанскими идеями.

Исследователи отмечают, что зарождение неомифологизма как культурного феномена как раз и произошло в ту эпоху в парадигме модернистского мировоззрения [Минц, 2004, с. 60]. Неомифологизм, помимо прочего, определяется как «мифотворчество» [Можейко, 1998, с. 433], возводимое к влиянию на философские устремления начала века идей Р. Вагнера и Ф. Ницше, повлиявших на попытки художников создавать «авторские мифы» в их нарочитой мифологизированности и «отходе от бытовой эмпирии, от чёткой временной или географической приуроченности» [Лютман, 2008, с. 596]. Неомифологизм как культурфилософское явление обычно усматривается исследователями в поэтике символистов [Сочивко, 2013], хотя мы считаем важным отметить, что, с нашей токи зрения, поэтика футуризма в меньшей степени философична и устремлена к мифосозиданию — и не только в области лингвистических новаций.

3.2. Методология и «пост-»

Итак, неомифологизм — это расширение смысловых возможностей текста путем включения в него реконструированных мифологических элементов, в результате чего трансформируется сама исходная мифологическая картина мира — она становится индивидуально-авторской, — а мифологическая архаика оказывается не только материалом, но и средством изображения, особой формой художественной герменевтики [Кривонос, 2008, с. 123—124]. Но это же — и перспективная методология современного литературоведческого исследования, намеченная ещё в 1937 году Р. О. Якобсоном [Якобсон, 1987]. Подход этот заключался в рассмотрении любого текста не обособленно — в нерушимой смысло-

вой завершенности, — а созависимо с целостным индивидуально-авторским дискурсом.

Открытость неомифа в противоположность энтропийной замкнутости мифа и обуславливает разницу подходов к его толкованию, и предопределяет множественность явлений, которые могут стать его частью, гарантирует возможность включения в её состав самых разнообразных элементов окружающей действительности. Неомифами могут стать факты исторические, культурные, социальные, биографические и проч. — любые, в том числе и те, которые мифологизированы изначально не были. Неомифологизм, таким образом, отличается от мифологизма на уровне предзаданности собственной мифологичности. Диссипативно рассеянные по системе художественного текста, неомифы могут представлять перед исследователем на различных уровнях и в разнообразных воплощениях.

Мы рассматриваем неомифологизм, в числе прочего, как литературоведческую методологию, потому что он одновременно и сопрягает частные методы, и доминирует над ними, позволяя обобщить полученные результаты в единую мифотворческую картину. Сегодня методология неомифологизма осмысливается и предлагается нами как способ свести воедино разрозненные (на первый взгляд) тексты-неомифы, проявляющие себя с разной степенью интенсивности и на разных дискурсивных уровнях конкретной авторской поэтики, в которой один неомиф продолжает другой — и одновременно сам является его первоосновой.

Всё чаще о неомифологизме и мифотворчестве говорят не как о культурфилософском феномене или свойстве литературы XX века, а как о философско-методологическом приеме создания постмодернистского текста [Можейко, 1998, с. 433]. Такого рода неомифологизм не претендует на создание автором глобальной «модели» мироустройства [Лотман, 2008, с. 598]. С нашей точки зрения, в литературоведческой перспективе существует необходимость в дополнительном уточнении понятий, потому что неомифологизм постмодернизма качественно отличается от неомифологизма модернизма по целому ряду свойств.

Главное свойство постмодернистского неомифологизма — понимание субъекта как безразличной части целого. Последнее в первую очередь отличает постмодернистский вариант неомифологизма от модернистского, где личность играет ключевую роль. Неомифологизм в постмодернизме — прием, особенность поэтики, «мифологические образы выполняют лишь роль формы, маски», а «художественная структура текста ... деконструирует устойчивую структуру известного мифа» [Зайнуллина, 2004, с. 19]. Такого рода неомифологизм проявляется скорее «мозаично», когда «многочисленные и разнообразные элементы разных мифов, существуя

как разнородные, в то же время образуют сложное, многокомпонентное единство» [Короткова, 2021, с. 7].

В этом одна из главных особенностей постмодернистского существования неомифологизма: он стал игрой, совокупностью аллюзий и реминисценций, которые, выполняя свою непосредственную функцию, не являются в полной мере элементами авторского мифотворчества как способа мышления и художественного воплощения. Такого рода неомифологизм дискретен и проявляется не нарративно, а лишь в виде «дискурса», чистой парадигматики мотивов, не более чем фразеологии, корпуса фраз и стереотипов — его нельзя рассказать, но можно толковать и анализировать [Зенкин, 2008, с. 18—19].

Говоря о необходимости терминологического расподобления модернистского и постмодернистского вариантов неомифологизма, мы подразумеваем уже существующий и активно используемый в работах последних лет термин *авторский миф*. Одновременно с этим модернистскому варианту неомифологизма, с нашей точки зрения, ближе яacobсоновский термин *индивидуально-авторская мифология*, под которым подразумевается авторский дискурс, функционирующий по собственным художественным и миростроительным законам [Якобсон, 1987, с. 145—147]. Однако тождественность этого понятия неомифологизму не представляется допустимой: индивидуально-авторская мифотворческая структура не всегда — об апелляции именно к мифологическому, не всегда — о неомифе, органически в той или иной степени всё равно восходящем к культурно-социальному мифологическому опыту, хотя и трансформирующем его.

В постмодернистской же парадигме основным «строительным материалом» в создании нового художественного мира является «авторская система мифем», текстовое воплощение которой и получило название «авторского мифа» [Зайнулина, 2004, с. 11—12]. Работа автора с исходно-мифологическим сводится к его подчеркнутой десакрализации [Там же, с. 16]. В отличие от созидающей потенции модернистского неомифологизма, которая, трансформируя известное, переосмысляет его с целью создания собственного, авторский постмодернистский миф лишь «деконструирует устойчивую структуру известного мифа» [Там же, с. 19].

Авторский миф есть «эмоционально связанный набор фактов», благодаря которому автор свободно распоряжается культурными кодами (в том числе обращаясь и к мифологии), подменяет понятия, включая в текст различные отсылки, которые читателю нужно угадать для того, чтобы полноценно воспринять произведение [Борунов и др., 2021, с. 11]. Из-за этого миф «утрачивает способность быть описательной моделью, стоящей над реальностью». Ему чужда традиционная оппозиция «добро — зло», кото-

рая часто является основой модернистского неомифологизма, авторского поиска своего места в выстраиваемом им пространстве. Ему не свойствен иной уровень взаимодействия с категориями истинности и достоверности, кроме осмеяния и деконструкции, и мифологические элементы зачастую обыгрываются саркастически [Там же, с. 18].

Подробное изучение специфики авторского мифа выходит за пределы нашей работы, нацеленной на интерпретацию неомифологических построений как практики организации художественного дискурса на основе полигенетического сочетания контекстов, сопряжённых с субъектно-авторской волей. Присутствие авторского мифа в современной литературе представляется оправданным осмыслять скорее как нарративную стратегию [Пьянзина, 2019, с. 4], что является иным направлением исследовательской интенции, не связанным с логикой субъектно-объектной соотносимости авторского и мифологического, целью которой всегда остаётся поиск человеком органичного ему места и в мире, и в мифе — своём или присвоенном.

4. Заключение = Conclusions

В рамках данной статьи мы предложили возможный вариант смыслового расподобления понятий, связанных с категорией мифологического. Обзор существующих толкований терминов был сведён нами к разговору о тех подходах, которые представляются нам наиболее аргументированными.

Опираясь на предложенную нами логику субъектно-объектного подхода к осмыслению понятий, связанных с категорией неомифологического, кажется уместным предложить определения ключевых терминов, разведение которых было одной из целей данного исследования.

Неомифологизм как художественное явление — это принцип выстраивания художественного дискурса, который включает в себя сложное полигенетическое сочетание разных культурных и мифологических контекстов, имплицитно сопряжённых по законам субъектно-авторской творческой воли. Неомифологизм как исследовательский подход — это методология литературоведческого исследования, целью которой является обнаружение и воссоздание неомифологической структуры текста.

Неомиф — целостная художественная структура, выстроенная посредством образного, сюжетного и мотивного переплетения разнородных мифологических пластов и индивидуально-авторских мифотворческих интенций, а также значимый элемент такой художественной структуры, восходящий к преломленному авторским творческим сознанием конкретному культурному коду, являющемуся одним из ключевых для восстановления общей логики функционирования неомифологической системы.

Разумеется, речь не идет о подведении черты под дискуссией о терминах — скорее, об обозначении параметров, в которых она могла бы быть более продуктивной. Динамика развития художественного берет своё начало от мифологизма, разрабатывающего фундаментальные культурфилософские оппозиции с целью дать универсальную модель разрешения противоречия, и приходит к своему современному варианту, который противоречия не снимает, а натурализует и даже оправдывает. Человеческому сознанию как созидателю не отказывает лишь неомифологическое, которое есть и одновременное проговаривание противоречий, важных для автора и его жизнеустройства, и поиск личной истины в творимом художественном пространстве, подчинённом логике авторского мировосприятия и законам авторской воли.

Литература

1. *Барт Р.* Мифологии / Р. Барт ; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. — Москва : Академический Проект, 2008. — 351 с. — ISBN 5-8242-0048-3.
2. *Борунов А. Б.* Авторский миф в современном постмодернистском романе / А. Б. Борунов, Е. В. Шерчалова // *Филологический класс.* — 2021. — Т. 26, № 3. — С. 8—20. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-01.
3. *Бульман Р.* Новый Завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного пространства / Р. Бульман // Бульман Р. Избранное : Вера и понимание. Том I—II / пер. с нем. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — С. 7—41. — ISBN 5-8243-0493-9.
4. *Волошин М. А.* Театр — сонное видение / М. А. Волошин // Волошин М. А. Собрание сочинений. Т. 6, кн. 1. Проза 1906—1916. Очерки, статьи, рецензии. — Москва : Эллис Лак, 2007. — С. 7—12. — ISBN 978-5-902152-49-1.
5. *Давыдов Т. В.* Дионисийское начало в ранней лирике В. В. Маяковского : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. В. Давыдов. — Москва, 2006. — 166 с.
6. *Ерёменко М. В.* Мифопоэтика творчества Леонида Андреева. 1908—1919 гг. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Ерёменко. — Саратов, 2001. — 185 с.
7. *Есаулов И. А.* Христианский реализм как художественный принцип русской классики / И. А. Есаулов // Четвертые Гоголевские Чтения : Гоголь и Пушкин. — Москва : Университет, 2005. — С. 100—108.
8. *Жбанков М. Р.* Миф / М. Р. Жбанков // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. — Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. — С. 430. — ISBN 985-6235-17-0.
9. *Жерносенко И. А.* Интегративные процессы в современной научной картине мира / И. А. Жерносенко // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 3 (40). — С. 356—360.
10. *Жолковский А. К.* Блуждающие сны и другие работы / А. К. Жолковский. — Москва : Наука, Восточная литература, 1994. — 426 с. — ISBN 5-02-017743-1.
11. *Зайнуллина И. Н.* Миф в русской прозе конца XX — начала XXI веков : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. Н. Зайнуллина. — Казань, 2004. — 24 с.
12. *Земсков Б. В.* Одноглазый Янус. Пограничная эпоха — пограничное сознание / Б. В. Земсков // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох — типы пограничного со-

знания. В 2-х частях. — Москва : ИМЛИ РАН, 2002. — Часть 1. — С. 6—21. — ISBN 5-9208-0130-1.

13. *Зенкин С.* Ролан Барт — теоретик и практик мифологии / С. Зенкин // Барт Р. Мифология / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. — Москва : Академический Проект, 2008. — С. 5—69. — ISBN 5-8242-0048-3.

14. *Зенько А. А.* Социальное конструирование аполлонического и дионисийского начал в древнегреческой мифологии / А. А. Зенько // Историческая психология и социология истории. — 2012. — № 1. — С. 62—70.

15. *Иванов Вяч. И.* Дионис и прадионисийство / Вяч. И. Иванов. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1994. — 343 с. — ISBN 5-86557-012-9.

16. *Иванов Вяч. И.* Эллинская религия страдающего бога : [Фрагменты верстки книги 1917 г., погибшей при пожаре в доме Сабашниковых в Москве] / Вяч. И. Иванов ; публикация Н. В. Котрелева // Эсхил. Трагедии / Эсхил. — Москва : Наука, 1989. — С. 307—350, 556—560.

17. *Козубовская Г. П.* Рубеж XIX—XX веков : миф и мифопоэтика : монография / Г. П. Козубовская. — Барнаул : АлтГПА, 2011. — 318 с. — ISBN 978-5-8810-605-7.

18. *Короткова Н. С.* Модификации жанра романа в творчестве Л. Е. Улицкой : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Н. С. Короткова. — Воронеж, 2021. — 193 с.

19. *Кривonos В. Ш.* Миф в литературе / В. Ш. Кривonos // Поэтика : Словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. — Москва : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. — 358 с. — ISBN 978-5-903955-01-5.

20. *Леви-Строс К.* Мифологии. В 4-х тт. Сырое и приготовленное / К. Леви-Строс. — Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1999. — Том 1. — 406 с.

21. *Леви-Строс К.* Структурная антропология / К. Леви-Строс. — Москва : Наука, 1985. — 536 с.

22. *Лесных Н. В.* Де- и ремифологизации истории в пьесе М. Угарова «Зеленые щеки апреля» / Н. В. Лесных // Память литературы и память культуры : механизмы, функции, репрезентации : материалы Всероссийской научной конференции (Воронеж, 16—17 апреля 2009 г.) / под ред. А. А. Житенёва ; Воронежский государственный университет. — Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2009. — С. 111—118.

23. *Лотман Ю. М.* Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание (гл. ред. С. А. Токарев). — Москва, 2008. — С. 593—599.

24. *Лотман Ю. М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция / Ю. М. Лотман // Избранные статьи : в 3 т. — Таллин : Александра, 1993. — Т. 3. — С. 121—137.

25. *Максимов Д. Е.* О мифопоэтическом начале в лирике Блока (Предварительные замечания) / Д. Е. Максимов // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века : Блоковский сборник III (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та ; выпуск 459) / Отв. ред. З. Г. Минц. — Тарту : [б. и.], 1979. — С. 3—33.

26. *Мелетинский Е. М.* Мифологическое мышление. Категории мифов / Е. М. Мелетинский // Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. — Москва : РГГУ, 2000. — С. 24—31.

27. *Миц З. Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / З. Г. Минц // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. — Санкт-Петербург : «Искусство—СПб», 2004. — С. 59—96. — ISBN 5-210-01533-5.

28. *Можейко М. А.* Мифология / М. А. Можейко // Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. — Минск : Издательство В. М. Скаун, 1998. — С. 431—434. — ISBN 985-6235-17-0.

29. *Никонова Т. А.* К проблеме периодизации русской литературы XX века : историческая и художественная реальности / Т. А. Никонова // XX век как литературная эпоха : сборник статей. — Воронеж : НАУКА—ЮНИПРЕСС, 2011. — С. 5—17.

30. *Осаченко Ю. С.* Методологические априори теоретической мифологии : между Сциллой демифологизма и Харибдой ремифологизма / Ю. С. Осаченко // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 342. — С. 62—67.

31. *Петрова Н. А.* Литература в неантропоцентрическую эпоху : Опыт О. Мандельштама / Н. А. Петрова. — Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2001. — 311 с. — ISBN 5-85218-109-9.

32. *Погребная Я. В.* Неомифологизм В. В. Набокова : способы литературоведческой идентификации особенностей художественного воплощения : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / Я. В. Погребная. — Ставрополь, 2006. — 644 с.

33. *Пьянзина В. А.* Авторский миф в современной русской литературе / В. А. Пьянзина // Universum : филология и искусствоведение. — 2019. — № 8 (65). — С. 1—4.

34. *Рылова О. Н.* Русская античность в отечественной литературе : к проблеме культурного диалога / О. Н. Рылова // Вестник ТГПУ. — 2010. — № 5 (95). — С. 100—106.

35. *Сочивко Е. Д.* Ремифологизация в культуре XX века и роль мифологического мышления в литературе / Е. Д. Сочивко // МНИЖ. — 2013. — № 5—3 (12). — С. 12—14.

36. *Тернова Т. А.* История и практика русского имажинизма : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Т. А. Тернова. — Воронеж, 2000. — 215 с.

37. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического. Избранное / В. Н. Топоров. — Москва : Прогресс—Культура, 1995. — 624 с. — ISBN 5-01-003942-7.

38. *Тэрнер В.* Символ и ритуал / В. Тэрнер. — Москва : Наука, 1983. — 277 с.

39. ФС, 1975 — *Философский словарь* : под ред. М. М. Розенталя. — Изд. 3-е. — Москва : Издательство политической литературы, 1975. — 496 с.

40. *Шайтанов И.* Триада современной компаративистики : глобализация — интертекст — диалог культур / И. Шайтанов // Вопросы литературы. — 2005. — № 6. — С. 130—137.

41. *Шалков Д. Ю.* Библейские мотивы и образы в творчестве В. В. Маяковского 1912—1918 годов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Д. Ю. Шалков. — Ростов-на-Дону, 2008. — 230 с.

42. *Шлигерская Е. В.* Концепция мифа в литературно-критическом наследии М. Волошина / Е. В. Шлигерская // Науковий часопис НПУ імені М. П. Драгоманова. Серія 8. Філологічні науки (мовознавство і літературознавство). — 2005. — Випуск 1. — С. 199—203.

43. *Якобсон Р. О.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина / Р. О. Якобсон // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. — Москва : Прогресс, 1987. — С. 145—180.

References

Bart, R. (2008). *Of Mythology*. Moscow: Academic Project. 351 p. ISBN 5-8242-0048-3 (In Russ.).

Borunov, A. B., Sherchalova, E. V. (2021). The author's myth in the modern postmodern novel. *Philological class*, 26 (3): 8—20. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-03-01. (In Russ.).

- Bultman, R. (2004). The New Testament and Mythology. The problem of demythologization of the New Testament space. In: *Favorites: Faith and Understanding, I—II*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 7—41. ISBN 5-8243-0493-9 (In Russ.).
- Davydov, T. V. (2006). *The Dionysian beginning in the early lyrics of V. V. Mayakovskiy*. PhD Diss. Moscow. 166 p. (In Russ.).
- Eremenko, M. V. (2001). *Mythopoetics of Leonid Andreev's creativity. 1908—1919*. PhD Diss. Saratov. 185 p. (In Russ.).
- FS, 1975 — Rosenthal, M. M. (ed.) (1975). *Philosophical Dictionary*. Moscow: Publishing House of Political Literature. 496 p. (In Russ.).
- Ivanov, V. I. (1989). The Hellenic religion of the suffering God: [Fragments of the layout of a 1917 book that died in a fire in the Sabashnikov house in Moscow]. In: *Aeschylus. Tragedies / Aeschylus*. Moscow: Nauka. 307—350, 556—560. (In Russ.).
- Ivanov, V. I. (1994). *Dionysus and pradionism*. St. Petersburg: Aleteya. 343 p. ISBN 5-86557-012-9. (In Russ.).
- Korotkova, N. S. (2021). *Modifications of the novel genre in the work of L. E. Ulitskaya*. PhD Diss. Voronezh. 193 p. (In Russ.).
- Kozubovskaya, G. P. (2011). *The Turn of the XIX—XX centuries: myth and mythopoetics: monograph*. Barnaul: AltGPA. 318 p. ISBN 978-5-8810-605-7. (In Russ.).
- Krivosos, V. Sh. (2008). Myth in literature. In: *Poetics: Dictionary of actual terms and concepts*. Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. 358 p. ISBN 978-5-903955-01-5. (In Russ.).
- Lesnykh, N. V. (2009). De- and remifologization of history in M. Ugarov's play "April's Green Cheeks". In: *Memory of literature and memory of culture: mechanisms, functions, representations: materials of the All-Russian Scientific Conference (Voronezh, April 16—17, 2009)*. Voronezh: Voronezh State University Publishing House. 111—118. (In Russ.).
- Levi-Strauss, K. (1985). *Structural anthropology*. Moscow: Nauka. 536 p. (In Russ.).
- Levi-Strauss, K. (1999). *Mythologiki. In 4 volumes, 1. Raw and cooked*. Moscow; St. Petersburg: University Book. 406 p. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1993). Russian literature of the post—Petrine era and the Christian tradition. *Selected articles: in 3 volumes, 3*. Tallinn: Alexandra. 121—137. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M., Mints, Z. G., Meletinsky, E. M. (2008). Literature and myths. In: *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. Electronic edition*. Moscow. 593—599. (In Russ.).
- Maksimov, D. E. (1979). On the mythopoetic beginning in the lyrics of Blok (Preliminary remarks). In: *Creativity of A. A. Blok and Russian culture of the XX century*. Tartu: [b. i.]. 3—33. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (2000). Mythological thinking. Categories of myths. In: *From myth to literature*. Moscow: RSUH. 24—31. (In Russ.).
- Mints, Z. G. (2004). On some "neo-mythological" texts in the works of Russian symbolists. In: *Poetics of Russian Symbolism*. Saint Petersburg: "Art—SPB. 59—96. ISBN 5-210-01533-5. (In Russ.).
- Mozheyko, M. A. (1998). Mythology. In: *The newest philosophical dictionary*. Minsk: V. M. Skakun Publishing House. 431—434. ISBN 985-6235-17-0. (In Russ.).
- Nikonova, T. A. (2011). On the problem of periodization of Russian literature of the twentieth century: historical and artistic reality. In: *The twentieth century as a literary epoch: a collection of articles*. Voronezh: NAUKA—UNIPRESS. 5—17. (In Russ.).
- Osachenko, Yu. S. (2011). Methodological a priori of theoretical mythology: between the Scylla of Demythologism and the Charybdis of Remythologism. *Bulletin of Tomsk State University, 342*: 62—67. (In Russ.).

- Petrova, N. A. (2001). *Literature in the non-anthropocentric era: The Experience of O. Mandelstam*. Perm: Perm State Pedagogical University. 311 p. ISBN 5-85218-109-9. (In Russ.).
- Pogrebnyaya, Ya. V. (2006). *Neomythologism of V. V. Nabokov: methods of literary identification of the features of artistic embodiment*. Doct. Diss. Stavropol. 644 p. (In Russ.).
- Pyanzina, V. A. (2019). The author's myth in modern Russian literature. *Universum: philology and art criticism*, 8 (65): 1—4. (In Russ.).
- Rylova, O. N. (2010). Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue. *Bulletin of TSPU*, 5 (95): 100—106. (In Russ.).
- Shaitanov, I. (2005). The triad of modern comparative studies: globalization — intertext — dialogue of cultures. *Questions of literature*, 6: 130—137. (In Russ.).
- Shalkov, D. Y. (2008). *Biblical motifs and images in the works of V. V. Mayakovsky 1912—1918*. PhD Diss. Rostov-on-Don. 230 p. (In Russ.).
- Shligerskaya, E. V. (2005). The concept of myth in the literary and critical heritage of M. Voloshin. *Naukoviy chasopis NPU imeni M. P. Dragomanov. Series 8. Philological sciences (movoznnavstvo i literaturoznnavstvo)*, 1: 199—203. (In Russ.).
- Sochivko, E. D. (2013). Remifologization in the culture of the twentieth century and the role of mythological thinking in literature. *MNIZH*, 5—3 (12): 12—14. (In Russ.).
- Ternova, T. A. (2000). *History and practice of Russian imagism*. PhD Diss. Voronezh. 215 p. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1995). *Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic Favorites*. Moscow: Progress—Culture. 624 p. ISBN 5-01-003942-7. (In Russ.).
- Turner, V. (1983). *Symbol and ritual*. Moscow: Nauka. 277 p. (In Russ.).
- Voloshin, M. A. (2007). Theater — a dream vision. In: *Collected works, 6 (1). Prose 1906-1916. Essays, articles, reviews*. Moscow: Ellis Luck. 7—12. ISBN 978-5-902152-49-1 (In Russ.).
- Yakobson, R. O. (1987). Statue in Pushkin's poetic mythology. In: *Works on poetics*. Moscow: Progress. 145—180. (In Russ.).
- Yesaulov, I. A. (2005). Christian realism as an artistic principle of Russian classics. In: *Fourth Gogol Readings: Gogol and Pushkin*. Moscow: University. 100—108. (In Russ.).
- Zainullina, I. N. (2004). *Myth in Russian prose of the late XX — early XXI centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 24 p. (In Russ.).
- Zemskov, B. V. (2002). One-eyed Janus. Border epoch — border consciousness. In: *Evans and frontiers. Types of borderline epochs — types of borderline consciousness. In 2 parts, 1*. Moscow: IMLI RAS. 6—21. ISBN 5-9208-0130-1. (In Russ.).
- Zenkin, S. (2008). Roland Bart — theorist and practitioner of mythology. In: *Bart R. of Mythology*. Moscow: Academic Project. 5—69. ISBN 5-8242-0048-3. (In Russ.).
- Zenko, A. A. (2012). Social construction of Apollonian and Dionysian principles in Ancient Greek mythology. *Historical psychology and sociology of history*, 1: 62—70. (In Russ.).
- Zhbankov, M. R. (1998). Myth. In: *The newest philosophical dictionary*. Minsk: Publishing house V. M. Skakun. 430. ISBN 985-6235-17-0. (In Russ.).
- Zhernosenko, I. A. (2013). Integrative processes in the modern scientific picture of the world. *The world of science, culture, education*, 3 (40): 356—360. (In Russ.).
- Zholkovsky, A. K. (1994). *Wandering dreams and other works*. Moscow: Nauka, Oriental Literature. 426 p. ISBN 5-02-017743-1. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.04.2022,
одобрена после рецензирования 05.06.2022,
подготовлена к публикации 14.06.2022.